

Вадим Павленко

Под сиренами Амура

Вадим Павленко

Под стрелами Амура

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Павленко В.

Под стрелами Амура / В. Павленко — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

ISBN 978-1-38-766290-6

Сборник рассказов «Под стрелами Амура» в основном составлен из историй о нашей современности, о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Вместе с автором вы пройдетесь по улицам Киева, посетите выставку авангардистов, побываете в театре и проведете время на площади с уличными художниками. Переступив через века, попадете в гости к скифам, а надев кирзовые сапоги, окунетесь в будни армейской жизни.

ISBN 978-1-38-766290-6

© Павленко В.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Под стрелами Амура	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Вадим Павленко

Под стрелами Амура

Сборник рассказов

Под стрелами Амура

I

Насмотревшись на штамп в паспорте, который делал меня свободным, скинув оковы супружеского «счастья», я с чувством глубокого удовлетворения захлопнул его и, положив в карман, вышел на улицу.

Стоя на крыльце загса, я вдохнул полной грудью свежего воздуха и осмотрелся по сторонам. Бездонное голубое небо, яркое солнце и щебетание птиц в густой листве настраивали на лирический лад, и я, спустившись, по ступенькам, решил пройтись пешком до проспекта Победы, а там посидеть в кафе и за кружкой пива решить, что делать дальше.

Впервые после пяти лет семейного ада я шел спокойно, не спеша, ни о чем не думая и ни о чем не переживая. Многочисленные рекламные щиты, натканные на каждом шагу, веселили душу своей примитивностью, а идущие навстречу девушки, бросая на меня взгляды, вселяли надежду.

Выйдя в районе «Большевика» на Брест-Литовский проспект (в памяти почему-то всплыло старое название), я сел под первый попавшийся «грибок» и заказал пива.

Шулявка и Политех были для меня родными: здесь прошли мое детство и юность, на моих глазах этот уголок Киева застраивался и разрастался, рос вширь и ввысь, а по улицам ходили преимущественно добрые и отзывчивые люди...

Я посмотрел через дорогу, и мой взгляд задержался на центральном входе в киностудию имени Довженко, и я вспомнил, как меня и моего двоюродного брата приводили сюда родители сниматься в каком-то фильме. Я пришел в отутюженных брюках, белой рубашке, с пионерским галстуком на шее, а брат надел джинсовый костюм, который ему привезли родственники из Польши. Меня взяли, а его нет. Помощник режиссера дал мне в руки красный флаг и, указав место в бутафорском коридоре, где я должен был стоять, поставил задачу: когда начнется съемка, не спеша наматывать материю на древко. Прозвучала команда «Мотор!», и съемка началась. Из соседнего коридора повалил густой дым, и выскочившая оттуда какая-то полоумная бабка, пробежав мимо меня, во весь голос завизжала: «Пожар! Пожар!» Не ожидая такого поворота событий, я с перепуга выронил знамя и побежал за ней. «Стоп! – заорал режиссер. – Ты куда побежал?...»

На этом моя актерская карьера, не успев начаться, закончилась.

Я усмехнулся, вспомнив эту сцену, и поднял руку, подзывая официантку. Пока она шла к моему столику, неуклюже переставляя толстые ноги и тряся давно немытыми и от этого лоснящимися волосами, я, уже решив взять второй бокал, глядя на нее, передумал и, расплатившись, вышел из-под навеса.

В глаза бросилась вывеска «Сільпо». Да, подумал я, даже не «Сельпо», а именно «Сільпо».

Когда я подходил к остановке, у меня уже созрел план действий на сегодняшний вечер: поехать на Крещатик и посетить местную богему – уличных художников-портретистов, многих из которых я знал. С некоторыми из них наши дороги пересекались довольно часто в те далекие

времена, когда на моем безымянном пальце еще не блестело обручальное кольцо и я жил с родителями на Шулявке.

Прямо перед моим носом отъехала маршрутка, идущая в центр города, и я, приняв это как знак свыше, пошел пешком, решив дойти до Воздухофлотского моста, а там на чем-нибудь проехать дальше.

Я давно не был в районе Политеха и сейчас, идя вдоль дороги, с интересом оглядывался по сторонам, мысленно отмечая знакомые места, с которыми было связано много воспоминаний: хороших и не очень.

Пушкинский парк! При входе на пьедестале величественно восседает сам Александр Сергеевич – король поэтов всех времен и народов. Памятник настолько пропорционален и гармоничен, что хочется крикнуть «браво!» и аплодировать авторам, создавшим его.

За спиной поэта виднелась дорожка, убегаящая вглубь парка. Во времена моей юности она упиралась в танцзал, куда мы иногда ходили на дискотеки. Я вспомнил, как однажды, придя сюда вечером с товарищем потанцевать и познакомиться с девушками, не очень обремененными моральными принципами, нам не хватило денег на входные билеты. А увидев на входе наряд милиции, мы поняли, что прорваться бесплатно не получится, и уже собирались уходить, как вдруг из дверей появился мой сосед – Витя. Узнав о наших проблемах, он сделал рукой обнадеживавший жест и сказал заплетающимся языком: «Спокойно, ребята, я сейчас выведу самых красивых девушек из этого сарая!» И, развернувшись, пошел обратно.

Но вывел не он, а вывели его. Витя вышел с заломанной за спину рукой в сопровождении усатого сержанта, который довел его до «бобика», стоявшего на углу, и «нежно» туда забросил. Как я потом узнал, Витя, проходя в зал, неудачно дыкнул в лицо старшему по наряду.

Я перешел небольшую улицу Полевую и оказался под сенью деревьев парка Политехнического института. Он совершенно не изменился. Те же дорожки, те же лавочки, гуляющие студенты и молодые мамочки с колясками. Идя по квадратным плитам, я наткнулся на лужу, тянувшуюся метров на десять. Она была в том самом месте, что и пятнадцать лет назад. Плиты так и не выровняли, и в этом месте постоянно скапливалась вода. Я вспомнил милую Асю, которую переносил через эту лужу, и злополучный камень, о который споткнулся... Что было дальше, вспоминать не хотелось.

Слева раздался грозный рев, на который отозвались многочисленные оханья, уханья, мычания и похрюкивания. Это меня приветствовал наш зоопарк. У центрального входа, как и много лет назад, замерев на постаменте, его охраняли изваянные из мрамора лев со своей подругой и огромный зубр, грозно смотрящий на посетителей. В детстве мы часто бегали сюда подразнить обезьян и посмотреть на львов и тигров. Со стороны улицы Зоологической в заборе был лаз, и все наши походы в зоопарк были бесплатными. Однажды мы попались. Служитель, который нас изловил, не учтя наш возраст, неудачно пошутил, сказав, что скормит нас тиграм, которым не хватает мяса. От страха мы бежали так быстро, что наши крики не поспевали за нами и оставались где-то далеко позади. После этого случая мы долго обходили зоопарк стороной.

На выходе из парка я остановился у мемориала погибшим преподавателям и студентам Политеха. Напротив располагалась моя школа. Ее перекрасили и обнесли забором. Сердце защемило. «Как быстро летит время», – подумал я и, посмотрев на памятник, мысленно вернулся в восьмой класс, когда со своей одноклассницей, самой красивой девушкой в школе, мы накануне Дня Победы возлагали цветы к его подножию. Вспомнил, как отчаянно забилося мое сердце, когда, кладя вместе букет, наши руки случайно соприкоснулись...

Проходя мимо метро, я с отвращением посмотрел на примыкающую к нему территорию, заставленную киосками, лотками и сумками с продуктами, заплеванную и замусоренную бычками, разноцветными бумажками и шелухой от семечек. Стоявшие рядами торгаши, противно смеясь, громко переговаривались между собой на непонятном языке, чувствуя себя здесь пол-

новластными хозяевами. Опустив голову, я быстро пробежал мимо этого колхоза и нырнул в переход. В переходе было еще хуже. Настроение испортилось.

Поднявшись по лестнице и выйдя на воздух, я немного успокоился и пошел дальше.

Впереди, облепленная вывесками, стояла высотка. Этот шестнадцатиэтажный дом, бывший когда-то самым высоким в округе, теперь выглядел карликом по сравнению с вертикальными бараками, возвышающимися на противоположной стороне улицы. В нем жил знаменитый актер Николай Олялин. Иногда я встречал его и обязательно здоровался. Было немного странно видеть смелого капитана из «Освобождения» идущим из магазина с авоськой в руке. Вспомнив Олялина, я посмотрел на то место, где стоял кинотеатр имени Александра Довженко, в котором впервые увидел «Фантомаса», «Кавказскую пленницу» и «Золото Маккены». Тоскливый зеленый забор, напоминающий сегодняшние фильмы, за которым, по всей видимости, затевалось строительство очередного многоэтажного барака, – вот и все, что осталось. Я знал, что его снесли. Ну а чего можно ожидать от нашей власти – местечковой безграмотной шантрапы? Сколько бы они ни менялись, у них всегда одна цель: обогатиться и застолбить участок в Киеве. И сразу же возник вопрос: а где же были наши ура-патриоты? Это же был кинотеатр имени Александра Довженко!

Из-за «дома Олялина» показалось длинное здание «Военторга». Хотя магазин с военной атрибутикой занимал только небольшую часть, в самом конце, все называли его именно так. Я вспомнил, как его строили, как мы играли в его темных подвалах в казаков-разбойников, когда рабочий день заканчивался и строители уходили. Вспомнил, как там убили женщину, и наш ужас, когда через несколько дней после этого мы спустились в подвал и увидели огромного мужчину, стоящего у стены... Мы были уверены, что это и есть убийца. Со временем я понял, что он там делал. Вспомнились и трамвайные пути, на рельсы которых мы клали длинные гвозди, и из них после проезда трамвая получались маленькие острые мечи. А когда проспект расширяли, пути разобрали, и мы остались без оружия.

К своему удивлению, я увидел на том же месте, что и много лет назад, вывеску «Библиотека»! Вывеска была другой, но содержание оставалось прежним. Здесь в читальном зале я встретился с мушкетерами и капитаном Немо, скакал по прериям с героями Купера и Майн Рида, боролся с природой, помогая Робинзону, и участвовал в восстании Спартака. Я решил зайти и посмотреть, что читает нынешняя молодежь, но, увидев на витрине стоящие в ряд книги и прочитав их названия, заходить передумал.

На месте, где располагался ресторан «Краков», за стеклом, вместо счастливых лиц подвыпивших бегали озабоченные посетители в поисках обуви по приемлемым ценам, а в другой части зала стояли ряды пылесосов и стиральных машин. А ведь при Союзе, имея лишь десятку в кармане, здесь можно было неплохо провести вечер!

Наконец, дойдя до самого «Военторга», с удивлением обнаружил на месте погон и кокард улыбающегося зайчика, медвежонка и игрушечные танки, стоящие в ряд, и, подняв глаза, прочитал: «Антошка». Мне стало и смешно, и грустно. Я представил себе, как мы будем отбиваться от врагов, стреляя в них из пластмассовых танков и бросаясь плюшевыми медведями. Выросший в семье военнослужащего, я был твердо убежден, что можно проводить эксперименты и воровать в любой отрасли, но никогда нельзя трогать армию – это святое! Но нынешней власти этого не понять...

Перейдя улицу Шолуденко, я почувствовал себя муравьем в тени строящегося стеклянного монстра, который втиснули между пятиэтажной «хрущевкой» и загсом. Хозяев этого чудовища абсолютно не волновал внешний вид города, потому что он был для них чужим – просто местом, где можно наполнить карманы.

Центральный загс, среди киевлян получивший название «Бермудский треугольник», скромно ютился рядом. Раньше он смотрелся неплохо. Облицованный белоснежным мрамором, он возвышался над открытым пространством, словно плывя по просторному тихому

морю, окруженный зелеными газонами и еще не подросшим парком. Сейчас, под нависшим над ним гигантом, он выглядел бедным родственником – маленьким, несчастным и всеми забытым. Но, увидев стоящие вокруг машины, я понял, что он не совсем забыт и работает, как и прежде.

Из подъехавшего «мерседеса», сверкая белизной и блесками, выпорхнула новобрачная. В окружении подружек она, громко стуча каблуками, засеменила к жениху, который спешил ей навстречу. Поцеловавшись, они взялись за руки и, поднявшись по лестнице, вошли в распахнутые двери.

Пять лет назад я так же бежал к своей невесте, поднимался по этой же лестнице и, услышав торжественную фразу: «Объявляю вас мужем и женой», абсолютно счастливый вышел с противоположной стороны загса. Но... не повезло...

На месте двухэтажной швейной фабрики и озера перед ней сейчас возвышался длинный тонкий шест, на вершине которого красовалась желтая буква «М». В далеком детстве эту полуразрушенную фабрику, доживающую свои последние дни, мы использовали для игр, а по озеру, которое нам было по колено и скорее напоминало большую лужу, мы плавали на примитивных самодельных плотках. Потом фабрику снесли, озеро засыпали и разобрали лежащие за ними трамвайные пути, ведущие к вокзалу. Одно время здесь находилась база горюче-смазочных материалов, но после сильного пожара убрали и ее.

И вот теперь «Макдоналдс»!

Вдохнув принесенный ветром запах жареной картошки, я почувствовал зверский аппетит и направился в сторону, откуда он доносился. Я никогда не был в «Макдоналдсе» и не понимал людей, которые в начале девяностых выстаивались в огромные очереди, чтобы посмотреть на заморское чудо. Он всегда ассоциировался у меня с толстыми неграми, жующими сэндвичи, и выпадающими из их ртов капустными листьями. Но, пройдя вдоль стойки и увидев все эти хрустящие и шипящие «яства», я отказался от мысли набивать свой желудок этой дрянью.

На остановке стоял автобус. Я легко пробежал стометровку и, успев в последний момент вскочить в салон, с удовольствием отметив, что еще в неплохой форме, и, сев на свободное сиденье, поехал к центру города.

II

Товарищи встретили меня с восторгом. А узнав о том, что я развелся, их восторг перешел в экстаз. Для успокоения нахлынувших чувств мне пришлось сбежать в ближайший гастроном. Окруженные этюдниками и рекламными портретами, мы уютно расположились кругом на раскладных стульчиках и предались воспоминаниям, периодически прерывая разговор и заливая в себя очередную дозу.

А вспомнить было о чем!

С Сергеем мы вместе учились в КИСИ¹ на архитекторов и дружили уже много лет, а с Виталиком познакомились в Польше, куда в голодные девяностые меня забросила судьба, заставив взять в руки бумагу и карандаш...

– Артур, а ты помнишь Ишена и Тумана? – спросил Сергей, напомнив мне о нашей поездке в Польшу.

– Конечно, мы снимали комнату на первом этаже, а они – на втором.

В моей памяти воскресло Свиноустье, куда мы ездили рисовать.

– Так Ишен сейчас живет в Испании, купил там квартиру, а Туман открыл в Питере свой выставочный зал.

– Неплохо! Они что, на портретах столько заработали?

¹ КИСИ – Киевский инженерно-строительный институт до 1993 года. Новое название – Киевский национальный университет строительства и архитектуры (КНУСА).

– Ишен не знаю на чем, а Туман вернулся к живописи – увлекся натюрмортами. Если помнишь, он заканчивал студию Грекова.

– А откуда такие сведения? – прервал я Сергея.

– Недавно проездом был Валера, ну, ты его знаешь, из Минска, он нам и рассказал об успехах наших знакомых киргизов.

Наш разговор прервала подошедшая женщина с ребенком.

– Сколько стоит нарисовать... вот ее? – она выставила вперед смущенную девочку.

– Цветной – сто пятьдесят, а черно-белый – семьдесят, – взял на себя инициативу Виталик и, встав со стула, пригласил девочку: – Садись!

– А дешевле можно?

На лице Виталика появилось кислое выражение.

– Женщина, ну куда еще дешевле? – театрально разведя руками, сказал он.

– Ну хорошо. – Женщина повернулась к девочке: – Зоенька, садись.

Виталик поправил ребенку волосы, чуть приподнял подбородок и принялся за работу. Я встал и потянулся, разминая затекшее тело.

– Серега, я пройдусь немного, осмотрю окрестности, хорошо?

– Хорошо, только недолго, – он кивнул в сторону Виталика, – скоро заработаем на второй заход.

Кроме моих знакомых на площадке недалеко от консерватории сидели еще несколько творцов в ожидании клиентов. Я прошел между рядами уставившихся на меня со всех сторон атлетически сложенных Шварценеггеров и Ван Даммов, блондинистых Монро и голубоглазых принцесс. Иногда на меня смотрели и наши звезды – дикие Русланы и кудрявые Киркоровы. Завлекающие рекламные портреты были выполнены неплохо, но они никогда не соответствовали тому уровню, на котором рисовали обитающие здесь художники. А у большинства, за исключением немногих, уровень был довольно низким. В основном, тут сидели самоучки, не имеющие художественного образования, набившие руку на копировании знаменитостей из гламурных журналов. Клиентами этих «портретистов» были празднично шатающиеся провинциальные зеваки и заблудившиеся туристы. В принципе, заработок здесь был неплохой. Нарисовав два-три портрета, можно было хорошо выпить и закусить, что большинство и делало, да еще и неплохо пополнить семейный бюджет.

Я вспомнил небольшой городок Свиноустье на севере Польши, у границы с Германией, куда меня затащил Сергей рисовать аборигенов. Он до того уже один раз там побывал и уговорил ехать с ним, довольно заманчиво обрисовав обстановку. В действительности же все оказалось не так радужно, как он расписывал. Постоянно возникали проблемы с местом, где можно было расположиться рисовать. А ставить этюдники разрешалось только на частной территории – в этом плане поляки оказались редкими жлобами. После щедрой поляны, которую мы накрывали, хозяева кафе и торговых точек с удовольствием выделяли нам место для заработка. Однако через несколько дней, прикинув наши доходы, которые в разы превышали их собственные, они нас выгоняли, не объясняя причину. Но мы-то знали, что причина была одна – зависть. В конце концов мы нашли место на набережной, где нас уже никто не трогал.

Моя карьера начинающего художника-портретиста была и удачной, и не очень. У меня неплохо получались мужские портреты, а вот с женскими и детскими были проблемы. Я, как архитектор по профессии, рисовал жесткими и прямыми линиями, как нас и учили в институте. Мужской половине это нравилось, потому что моя манера рисования придавала их лицам дополнительного мужества и твердости. А вот женщины, увидев законченный рисунок, впадали в уныние – они обнаруживали на портрете своего двойника, только лет на десять старше. Видя, что с детской и женской клиентурой у меня не складывается, я перешел исключительно на мужскую аудиторию, жаждущую увековечить себя в черно-белом рисунке. После этого мои

заработки упали, но я знал, что сделал правильный выбор, поскольку всегда терпеть не мог халтуры, и, если у меня что-то не получалось, просто этим не занимался.

Собратья по карандашу – а нас тут было человек десять – посмеивались над моей щепетильностью и стали посматривать на меня с некоторым превосходством. И в итоге мне это изрядно надоело.

В один из редких дождливых дней мы почти в полном составе собрались в баре и, пережидая дождь, попивали пиво. Андрей, наш земляк из Киева, окончивший какой-то техникум по ремонту холодильных установок, а сейчас открывший в себе художника, разглагольствовал о специфике уличного портрета и, явно обращаясь ко мне, сказал: «Зачем это высшее образование? Я вот и без него научился рисовать!» «А ты уверен, что умеешь рисовать?» – спросил я его. «Конечно, и получше некоторых образованных!»

Я молча достал бумагу и, положив на стол, быстро, в считанные минуты, набросал на ней шариковой ручкой все, что пришло в голову. Лист, зарисованный почти целиком, выглядел впечатляюще. Оглядев коллег, я сказал: «Тому, кто нарисует лучше, я дам двести марок!» Но брошенный мною вызов никто не принял...

После реконструкции Майдана я старался обходить его стороной. Все, что здесь понастроили, напоминало не центр столицы, а какой-то парк собрания несуразностей. Складывалось впечатление, что перед проектировщиками стояла задача как можно плотнее и разнообразнее заполнить каждый уголок площади. Оглядываясь вокруг, я вспомнил героев Джерома, варивших ирландское рагу. Изюминка приготовления этого блюда заключалась в том, что в котелок бросали все, что попадалось под руку. Перестроенная площадь и напоминала это рагу. Возле консерватории восседал вооруженный шашкой казак, играющий на бандуре, за его спиной стояла лошадь, внимательно слушая, о чем страдает ее хозяин, а дальше приютился небольшой фонтан, поставленный, видимо, для того, чтобы бандуриста и его коня не мучила жажда...

На противоположной стороне, уравнивая площадь, обосновалась банда Рюриковичей. Варяги стояли крепко, и по всему было видно, что пришли они всерьез и надолго – испуганные гуси-лебеди разлетались в разные стороны.

У спуска в переход размещался длинный флагшток с развевающимся знаменем. Почему он стоял именно в этом месте, я так и не понял.

И вот наконец-то я добрался до самого впечатляющего «шедевра» реконструкции – стеклянной полукруглой стены, окружающей монумент Независимости! И, судя по бегающим глазам нашего мэра, при котором производились работы, ему что-то за это перепало в районе Женевского озера.

Под этим уродливым небосводом сотни людей в поте лица трудились на дядю из дальнего зарубежья. Приехавшим из провинции в поисках лучшей жизни было абсолютно все равно, что их окружает – стеклянная клетка или колючая проволока. Главное, чтобы платили.

Сама по себе колонна смотрелась неплохо. Выполненная в смешанном стиле – барокко и ампира, она была пропорционально выдержана и по высоте, и по ширине. Единственное, что в ней вызывало раздражение, так это чрезмерная позолота. В любом другом месте, на открытом пространстве, монумент выглядел бы хорошо. Но только не на Майдане! Он абсолютно не вписывался в окружающую застройку: не гармонировал ни с консерваторией, ни с гостиницей «Украина».

Через дорогу, на другой стороне Крещатика, дела обстояли еще хуже. Тут уже царила настоящая неразбериха. Стеклянные фонари, напоминающие огородные парники, голубой глобус, как бельмо на глазу, и желтые ворота – не то Лядские, не то... лядские, увенчанные эфиопом с золотыми крыльями, которого скульптор упорно называл архангелом Михаилом – покровителем Киева. В дополнение ко всему по периметру этого убожества стояли разношерстные

киоски и лотки в кучах мусора, вокруг которых бродили какие-то непонятные личности, а над дорогой монтировали очередную сцену для развлечения тех же бродяг.

Я вспомнил советские времена: журчащие уютные фонтаны, киевлян, гуляющих с детьми между ними, и памятник Ленину с рабочими и крестьянами у подножия. Тогда площадь имела хоть и незаконченный вид, но это была площадь! Центральная площадь! И люди были другие.

Я обратил внимание, что, бродя по Майдану, постоянно наталкиваюсь на людей, которые мне абсолютно чужды и, кроме раздражения, ничего не вызывают. Мне постоянно приходилось отбиваться от каких-то навязчивых услуг и предложений. Особенно достали птичники. Здесь была целая голубиная мафия. Принимая меня за туриста, они, как цыгане, вились вокруг меня, предлагая сфотографироваться с их воркующими пернатыми. В который раз послав в известном направлении этих прилипал, я вернулся к товарищам.

Виталик рисовал уже второй портрет, а Сергей куда-то исчез.

– Артур, ну, что интересного? – спросил, увидев меня, Виталик и добавил: – Серега на задании, сейчас подойдет.

На каком Серега задании, я догадался...

– Виталик, что тебе сказать? Город оккупирован и постепенно превращается в большой колхоз. И я думаю, что этот процесс уже необратимый.

– Артур, а что ты хотел? Глобализация!

– Да это не глобализация, а жлоботизация!

Я зло посмотрел на позирующего Виталику – товарища, который явно не тянул на киевлянина. Тот нервно заерзал. Было видно, что, услышав наш разговор, он понял, что записан в ряды захватчиков.

– Ну им тоже надо на что-то жить, – философски рассудил Виталик. – В селах сейчас нет работы, они и едут в Киев.

– У них нет работы! А теперь из-за них и у меня нет работы! – раздраженно возразил я. – Ты знаешь, еще совсем недавно нас, дизайнеров по рекламе, в Киеве было всего человек пятьдесят, не больше. Хватало и работы, и денег. А сейчас... Куда ни плюнешь, одни дизайнеры, и все – приезжие. Окончат месячные курсы, на которых их учит непонятно кто, и получают отпечатанный на принтере диплом, что он дизайнер. При этом делать ничего не умеют, а гонору и наглости выше крыши. И к тому же у них преимущество – они не платят налогов, заказов у них завались, потому что свою бездарную мазню делают за копейки, и у каждого за спиной домик в деревне, где свой огород и хрюкающая живность. А посмотри на торгашей! Это же обыкновенные спекулянты! Там купил – здесь продал! Бизнесмены долбанные! И это, в основном, все приезжие!

– Артур, относись к этому спокойнее, ты все равно ничего не изменишь!

– Спокойнее? Чтобы относиться спокойнее, надо иметь нервы как у бегемота! И посмотри, во что они превратили Киев! Тут же какой-то круговорот! Приезжие работают для приезжих. Во власти киевлян можно пересчитать по пальцам, в крупном бизнесе – тоже. А эти киоски на каждом шагу... Разве они нужны киевлянам?... А как они себя ведут!

– Ну, поколения через два научатся. – Виталик закончил рисовать. – Пожалуй, все. – Он встал и обратился к парню: – Иди смотри!

Портрет понравился. Парень поблагодарил Виталика и рассчитался. Уходя, он бросил злобный взгляд в мою сторону, но я мысленно послал его туда же, куда и голубятников.

Виталик, достав из кармана деньги, стал их пересчитывать.

– Так ты что, Артур, против приезжих? – не отрываясь от подсчета, спросил он меня.

– Да я не против, пусть приезжают, но пусть и ведут себя как люди!

– Ну не все же ведут себя как...

– Извините, а сколько стоит нарисовать вот такой портрет? – внезапно прервал наш разговор женский голос.

Я обернулся и замер: передо мной стояла молодая женщина, настолько очаровательная, что трудно было отвести взгляд.

Виталик уже открыл рот в готовности ответить, но я опередил его.

– Какой, вот этот?

Проследив за взглядом незнакомки, я показал на один из рекламных портретов, который рисовал Сергей.

– Да, этот.

– Гривен семьдесят, – вспомнив расценки, ответил я. – Вас устроит?

– Вполне! Садитесь на этот стульчик?

– Да, присаживайтесь. Располагайтесь удобнее, придется потерпеть минут сорок. – И, воспользовавшись инструментом временно отсутствующего Сергея, начал набрасывать портрет.

– Артур, что это?... – в недоумении произнес возвратившийся Сергей.

Я быстро перебил его.

– А, помощник, где ты ходишь? – и, обращаясь к женщине, небрежно добавил: – Мой помощник, затачивает мне карандаши.

От такой наглости Серега потерял дар речи, но, посмотрев на натуру, все понял и, усмехнувшись, пошел к Виталику.

Я внимательно всматривался в лицо девушки, изучая его черты, и переносил их на бумагу. Постепенно на листе, штрих за штрихом, стали вырисовываться мягко очерченные губы, прямой нос и бирюзовые глаза под нависающими над ними густыми ресницами. Продолговатый овал лица обрамляли мягкие, чуть подкрученные волосы. Они были темны, как ночь, отчего белоснежная шея и лоб девушки казались еще белее.

Портрет получался, и я, осмелев, спросил:

– Как зовут незнакомку?

– А это обязательно? – Девушка улыбнулась и тут же ответила: – Альбина, а вас?

– Артур, – представился я и, продолжая рисовать, поинтересовался: – А что привело вас сюда? На провинциалку вы не похожи.

– А что, тут рисуют только провинциалок?

– Ну, в основном, садятся приезжие.

Альбина встряхнула волосами и с гордостью сказала:

– Я – коренная киевлянка! А портрет... так... просто захотелось. Повешу на стену, буду смотреть и любоваться, – она рассмеялась.

– Одна?

– Да, одна, – Альбина внезапно погрузилась. – Недавно рассталась с одним человеком, поэтому одна.

Я, едва сдерживая в душе радость, с напускным трагизмом в голосе сказал:

– Какое совпадение, я тоже с сегодняшнего дня одинок!

Но Альбина не отреагировала на мои слова и замкнулась в себе.

Портрет дорисовывался в молчании.

Сгладив пальцем некоторые шероховатости, я, памятуя Польшу, взял мякиш черного хлеба и смягчил им наиболее резкие места, придав линиям большей мягкости. Критически посмотрев на свое творение, я с удовлетворением вздохнул: портрет был готов.

Увидев рисунок, Альбина всплеснула руками:

– Как здорово! И так похожа! Артур, вы настоящий мастер! Спасибо вам! – Она открыла сумочку и стала в ней рыться. – И обязательно поставьте свою подпись и сегодняшнее число.

Я взял карандаш и поставил свой фирменный вензель, чуть ниже дописал дату и, немного подумав, приписал, не сильно давя на карандаш: Артур и номер своего телефона.

Свернув в рулон лист и стянув его резинкой, я посмотрел на Альбину. Она стояла, держа в руке деньги, и ждала.

Я протянул ей сверток:

– Альбина, вы не дадите свой телефон?

– Нет, Артур, – она положила деньги на этюдник и, посмотрев на меня, добавила: – Возможно, в другой раз. Спасибо за портрет. – И, развернувшись, стала удаляться, постепенно растворяясь в сгущающихся сумерках.

Так состоялось наше знакомство с Альбиной...

III

На следующий день, встав пораньше, постояв с полчаса под душем, чтобы выгнать вчерашний алкоголь, и выпив крепкого кофе, я задумался о будущем. Месяц назад я уволился с работы, вернее, нас всех любезно попросили уйти. Наш рекламный комбинат уже давно облюбовал кто-то из нуворишей и, как крыса, отгрызал этаж за этажом, размещая в них какие-то филиалы для бездельников. Окончательно споив нашего директора и бросив ему на старость обглоданную кость, комбинат торжественно перешел в руки аферистов.

Я не переживал по поводу потерянной работы, поскольку был уверен, что без проблем найду другую. Меня ценили как дизайнера: я хорошо рисовал, и в кармане у меня лежал диплом архитектора. Беспокоило другое. Оглядываясь вокруг, я все больше понимал, куда мы вляпались, и не находил себе места в этих новых торгово-рыночных отношениях. Работать на государство, как при Союзе, было еще терпимо. Оно, по крайней мере, меня защищало, бесплатно лечило, учило и обеспечивало крышей над головой. Но на какого-то вчерашнего барыгу, наподобие того, который захватил наш комбинат, – это было уже чересчур. Единственный выход виделся в открытии собственной фирмы, занимающейся рекламой, в которой я хорошо разбирался и чувствовал себя как рыба в воде. Но открытие своего предприятия требовало времени и средств. Времени у меня было полно, а вот с деньгами туговато. Все сбережения и нажитое добро я оставил своей бывшей жене. У нее же, несмотря на мои протесты, остался и наш ребенок, а его надо было кормить и одевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.